

© 1998 г.

А.Б. ГОФМАН

ДВА ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ БОЛЬШЕВИЗМА. МАРСЕЛЬ МОСС И НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

ГОФМАН Александр Бенционович - доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Цель настоящей работы состоит не столько в том, чтобы более или менее полно представить названные в заглавии подходы, тем более, что это уже в значительной мере сделано [см. 1-5], сколько в том, чтобы сравнить их.

Их сравнительный анализ важен и интересен в силу ряда разнообразных причин.

Прежде всего, в обоих случаях мы имеем дело с крупнейшими мыслителями в области социального и гуманитарного знания. Творчество Марселя Мосса, ученика и соратника Эмиля Дюркгейма, существенно повлияло на развитие социологии, этнологии, социальной и экономической антропологии [см. 6]. Николай Александрович Бердяев, один из наиболее выдающихся философов XX века, автор сорока трех книг и около пятисот статей, оказал важное воздействие на интеллектуальную атмосферу различных стран мира; его идеи находятся у истоков таких философских направлений, как экзистенциализм, персонализм и др.

1. Почему Мосс и Бердяев?

Годы жизни Мосса и Бердяева почти совпали: соответственно 1872-1950 и 1874-1948 гг. Интерес обоих к большевизму не был чисто академическим, но был вызван серьезными жизненными обстоятельствами и глубокими мировоззренческими поисками, хотя степень вовлеченности в историю большевизма у Бердяева была, конечно, гораздо более значительной. Оба они сформулировали более (Бердяев) или менее (Мосс) пространственные "оценки" большевизма, так что мы находим у них вполне достаточный материал для сравнительного анализа. Мосс собирался опубликовать небольшую книгу, озаглавленную "Социологическая оценка большевизма". Хотя он и не осуществил свой замысел целиком, он опубликовал два важных фрагмента из задуманной

книги: введение "Социализм и большевизм" и заключение "Социологическая оценка большевизма" [7, 8]¹.

Бердяев касался темы большевизма в очень многих своих трудах, но некоторые из них специально посвящены этой теме. К последним относятся, в частности, сборник эссе "Новое средневековье" [1924], статья "Правда и ложь коммунизма" [1931] и книга "Истоки и смысл русского коммунизма", задуманная в 1933 г., впервые изданная в 1937 г. на английском и немецком языках, в 1938- на французском и в 1955 г.- на русском [10-12].

Мосса и Бердяева объединяло в целом отрицательное отношение к феномену большевизма. Вместе с тем оба они весьма критически оценивали западный капитализм и были сторонниками социализма; кооперативного и "корпоративного" (Мосс), корпоративного и "персоналистского" (Бердяев). Тем не менее, различия в их жизненных судьбах и мировоззрениях были достаточно значительными, что, естественно, отразилось на содержании их анализа теорий большевизма.

Мосс - представитель французской академической науки, интеллигент европейского происхождения, активно участвовавший в социалистическом и кооперативном движении. Вместе с Жоресом он участвовал в создании газеты "Юманите", в которой одно время был секретарем редакции. Он осудил французских последователей большевизма, создавших на конгрессе соцпартии в Туре в 1920 г. Коммунистическую партию во главе со старым товарищем Мосса Марселем Кашеном. Верный последователь своего дяди, основателя Французской социологической школы Эмиля Дюркгейма, он, по его собственным словам, был "позитивистом, верящим только в факты" [13], и в этом отношении его взгляды никогда не менялись. Как политик и участник социалистического движения он всегда проявлял интерес к России и даже совершил в нее поездку по поручению Жореса в июле 1906 г. в связи с событиями первой русской революции².

Жизненный и идейный маршрут Бердяева был существенно иным, гораздо более сложным и извилистым. Он родился в семье потомственных русских дворян, военных; его бабушкой по материнской линии была французская графиня де Шуазель. В ранней молодости Бердяев активно участвовал в социал-демократическом движении (за что был сослан царскими властями на три года на север страны) и был "легальным", неортодоксальным марксистом. Затем он эволюционировал в сторону религиозно-идеалистической философии, неортодоксального православия и христианского персонализма. Пять лет Бердяев провел под властью большевиков, не скрывая своих антибольшевистских взглядов и довольно активно пропагандируя их. Большевики дважды арестовывали его и в сентябре 1922 г. выслали его из страны вместе с большой

¹ Кроме того, он опубликовал ряд статей об этом предмете в периодической печати (см. об этом 9).

² См. об этом: [14]. Удивительно и парадоксально, что если в политических работах Мосса Россия занимает весьма важное место, то в его собственно социологических и социально-антропологических трудах она практически отсутствует. Это относится, в частности, к его знаменитому "Очерку о даре", хотя его автор мог найти в русских обычаях и традиционных институтах немало фактов, подтверждающих его основной тезис о важнейшей роли дара в архаических обществах.

группой интеллигентов, не желавших признать победившее в стране "единственно верное учение" и подчиниться ему. Любопытно, что время, проведенное Бердяевым под властью большевиков, в отличие от предреволюционных лет и несмотря на все моральные и материальные тяготы и лишения, было для него временем творческого подъема и внутренней духовной раскрепощенности. В своей философской автобиографии [15] он высказывается об этом периоде примерно так же, как Ж.-П. Сартр, утверждавший, что никогда он не был так свободен, как в немецком плену.

В отличие от Мосса, который первоначально воспринял большевизм с надеждой и симпатией, увидев в нем даже возможную реализацию некоторых дюркгеймовских идей, Бердяев с самого начала резко отрицательно отнесся к большевистской власти. Не только он "оценивал" большевизм и большевиков, но и сам он подвергался "оценке" с их стороны, причем не только "практической" (аресты и высылка), но и "социологической". Хотя Бердяев всегда отрицательно относился к буржуазной демократии, это не помешало В.И. Ленину в 1905 г. отнести его к числу "новейших философов буржуазной демократии" [16]. Кроме того, Ленин причислял его к категории "поворотных и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей", к представителям "буржуазно-либеральной интеллигенции" [17].

В отличие от Мосса, главной интеллектуальной "специальностью" и призванием Бердяева была не социальная наука (хотя он прекрасно в ней разбирался и много выступал и в этом жанре), а религиозная и спиритуалистическая философия антирационалистического толка, философский персонализм и обоснование неортодоксального православия.

При сравнении оценок большевизма Моссом и Бердяевым следует, конечно, иметь в виду, что последний, в отличие от первого, высказывался об этом предмете не только в 1924 г., но и позднее (в частности, в указанных выше работах 1931 и 1937 гг., а также в своей книге 1946 г. "Русская идея" и в посмертно изданной философской автобиографии "Самопознание" (1949). Очевидно, что и большевизм, и взгляды Бердяева за это время претерпели существенную эволюцию.

И тем не менее, сравнение этих двух теорий большевизма чрезвычайно интересно и поучительно. В них нашли отражение важнейшие тенденции и традиции французской и русской социальной мысли. Сделав эти оценки объектом наших собственных оценок, мы сможем лучше понять эти тенденции и традиции. Но главное, чем интересен сравнительный анализ двух названных подходов, состоит в том, что в известном смысле они выражают две "идеально-типические", или "крайние", точки зрения на большевизм, которые сохраняются и противостоят друг другу до сих пор.

Согласно одной из них, большевизм представляет собой отклонение от спонтанного, "естественного" и "нормального" развития российского общества. Согласно другой, наоборот, большевизм - это необходимый, спонтанный и "естественный" (благотворный или пагубный в зависимости от ценностей автора высказывания) этап или результат всего предшествующего исторического развития России. Несмотря на противоречивость взглядов каждого из двух названных мыслителей и присутствие у каждого из

них обеих позиций, первая из них в целом преобладает у Мосса, вторая - у Бердяева. Этот тезис мы и постараемся обосновать в ходе дальнейшего изложения.

2. Подход Марселя Мосса

Прежде всего, при чтении текстов Мосса о большевизме бросается в глаза чрезвычайная противоречивость его взглядов в этом вопросе, противоречивость, которую он как бы не замечает и не пытается как-то преодолеть. Вероятно, в конечном счете эта особенность вытекала, во-первых, из противоречивого характера самого большевизма, во-вторых, из двойственной установки Мосса по отношению к большевизму, установки социолога и социалиста. Его высказывания относительно большевизма можно свести к нескольким противоположным утверждениям, между которыми он колеблется и которые он не пытается более или менее убедительно согласовать. Эти его утверждения можно сформулировать в виде пяти теоретических оппозиций.

1. Большевизм - это объект социологического исследования, социальный факт. - Большевизм - это субъект теоретической и практической социологии, а большевики - "наивные социологи", осуществившие, хотя и неудачно, нечто вроде социологического эксперимента.

С одной стороны, Мосс стремится выступать и отчасти выступает в роли социолога, беспристрастно изучающего большевизм как социальный феномен, который обладает определенной устойчивостью и длительностью и который надо воспринимать всерьез, как социальный институт определенного рода. Об этом, помимо ряда его суждений и рассуждений, говорит само заглавие его книги и ее опубликованного заключения - "Социологическая оценка большевизма". Мосс говорит о "необходимости социологического исследования большевизма" [18 (далее - SB)], и о большевизме как о "социальном факте, причем первостепенной важности" [Ibid., p. 203]. Он стремится к тому, чтобы "поместить в его квази-необходимости определенный момент истории в историческое целое..." [Ibid., p. 207], и применять "исключительно рациональные средства, принимая во внимание только факты" [Ibid., p. 203].

С другой стороны, для Мосса большевики - не столько объект социологического исследования, сколько товарищи по социалистическому движению, которые, будучи "наивными социологами" [19 (далее - ASB)], стали на ложный путь. Первоначально Мосс, как и Дюркгейм, рассматривал Советы, которые он ошибочно считал изобретением большевиков (хотя, как известно, Советы были изобретены не ими и до октября 1917 г. находились в руках меньшевиков и эсеров), как реализацию разработанной Дюркгеймом идеи необходимости внедрения в социальную жизнь профессиональных групп, или корпораций. Таким образом, вначале он оценивал большевиков как практических реализаторов определенной социологической идеи: "...Необходимо подчеркнуть близость теории Дюркгейма и практики Советов. Можно даже говорить здесь о преемственной связи, поскольку, наиболее ранние идеи Жоржа Сореля проистекают из теорий Дюркгейма, а Ленин признавал влияние Сореля на него,

чем Сорель, ставший, впрочем, в это время реакционером, гордился перед смертью" [SB, pp. 209-210]³.

Явно и неявно Мосс полемизирует, во-первых, с западными, главным образом, французскими, последователями большевизма (Марсель Кашен и другие), во-вторых, с противниками социализма на Западе. Главная цель и стимул написания его неоконченной книги, судя по ее введению и заключению, заключаются в том, чтобы показать западным товарищам и общественности, что: 1) большевизм не есть весь социализм, а лишь его разновидность; 2) это феномен чисто российский; 3) в качестве такового он не грозит западным странам, где социализм совсем иной; 4) тем не менее, необходимо извлечь уроки и предостеречь против опасности большевизма.

Отсюда вытекает преобладание относящихся к большевизму суждений и терминов, которые относятся не собственно к сфере социологии, а, по выражению Мосса, к "области нормативного" ("провал", "авантюра", ошибки", "заблуждения" и т.п.). Вопреки ее заглавию, она содержит не только и не столько **социологическую** в дюркгеймовском смысле, сколько **социалистическую** оценку большевизма.

2. **Большевизм - это эксперимент. Большевизм - это не эксперимент.** Это вторая важная оппозиция в оценке Моссом большевизма; она непосредственно вытекает из предыдущей и отчасти перекрещивается с ней.

Сначала Мосс утверждает, что большевизм "не является экспериментом", но он есть "событие, фаза русской революции или, точнее, после режима Керенского (первая фаза) он составляет ее вторую фазу, "коммунистическую", и третью фазу - "новый этап" [ASB, p. 104-105]. Это не эксперимент, потому что он был "непроизвольным" в том смысле, что он не был делом "общей воли" граждан" [Ibid., p. 105].

В другом месте Мосс пишет, что «большевистский "эксперимент" заслуживает прекрасного названия эксперимента лишь наполовину; он заслуживает его лишь в этой пропорции или, точнее, он достоин лишь звания эмпирического эксперимента, потому что ему присуще это свойство с чисто негативной точки зрения; потому что он не происходил под флагом какого бы то ни было идеализма или, точнее, он осуществлялся, отрицая любую идеологию» [SB, p. 211]. Вместе с тем он не заслуживает названия эксперимента, так как он лишен трех позитивных характеристик эксперимента; последний должен быть действием **рациональным, сознательно выбранным и систематически осуществляемым** [Ibid., pp. 211-212]. «Нет, это не социологический, методически проводимый "эксперимент", это лишь громадная авантюра", - заключает Мосс [Ibid., p. 212].

Но хотя, согласно Моссу, большевизм не есть настоящий социологический, т.е. научный, эксперимент, тем не менее он является "экспериментом в обыденном смысле слова, в смысле попытки, или опыта" [Ibid., p. 203]. В конце

³ Остается лишь гадать, откуда было известно о признаваемом Лениным влиянии Сореля на себя. В "Полном собрании сочинений" Ленина имя Сореля упоминается лишь один раз, там, где он назван "известным путаником" [20]. В личной библиотеке Ленина в Кремле из сочинений Сореля находилась лишь его статья "Эволюция социализма. (Утопизм, бланкизм и марксизм)" в вышедшем в России сборнике статей французских авторов. [См.: 21, 22].

концов, отрицая вначале, что большевизм есть эксперимент, Мосс все-таки постоянно использует это слово применительно к большевизму, причем чаще всего без кавычек.

3. Большевизм - это выражение естественной и исторической необходимости. - Большевизм - это случайность. Эта оппозиция у Мосса в свою очередь пересекается с предыдущими и отчасти в них выражается.

С одной стороны, Мосс, как уже отмечалось, стремится в исследовании большевизма "поместить в его квази-необходимости определенный момент истории в историческое целое..." [Ibid., p. 207]. Он утверждает в этой связи, что "детерминизм еще более верен применительно к обществам, чем к людям" [Ibid., p. 211], что "большевизм есть лишь фаза русской революции, фаза мрачная, но необходимая..." [Ibid., p. 221]. Согласно ему, большевизм есть феномен "непроизвольный" и "было бы не только несправедливо, но и неточно не признать, что во многих обстоятельствах" большевики были "инструментами естественной фатальности" [Ibid., p. 211].

Вместе с тем Мосс рассматривает большевизм как результат некоего стечения обстоятельств, как несчастный случай. Большевистская революция "родилась из войны, из нищеты и из падения режима" [ASB, p. 105]. Он описывает этот "эксперимент", эту "громадную авантюру" как "случайность", которая "прилеплена к жизни народа, надстроена над ней..." [SB, p. 212].

4. Большевизм не есть национальное явление. - Большевизм есть национальное явление.

Прежде всего Мосс настаивает на том, что "русская революция, как и германская..., не является делом нации" [Ibid., p. 213]; что "Россия не является причиной ее революции..." [Ibid., p. 214]. Один из уроков большевизма, согласно ему, состоит в том, что "всякая революция должна будет носить национальный характер" [ASB, p. 105]. Эта "громадная авантюра", которая "прилеплена к жизни народа, надстроена над ней", "не является продуктом его воли, истинным выражением его выбора; она не соответствует его душе, движению сознания русского народа в такой же мере, как она не является чистой реализацией идеи его руководителей" [SB, p. 212]. Мосс утверждает, что большевики насильственно навязали свою волю российской нации.

В то же время Мосс, упрекая большевиков за эту "фундаментальную ошибку", тут же рядом отмечает "глубоко русский" характер их революции [Ibid., p. 208]. Он обвиняет большевиков в том, что "они лишь слишком следовали тем старым византийским традициям, прямым наследником которых был русский самодержец и согласно которым закон есть лишь дело государя" [ASB., p. 116-117]. Согласно Моссу, большевизм вообще является наследником и продолжателем русского царизма: «Так же, как царизм, и в точно такой же степени, большевизм прилеплен к русской жизни, к русской революции, распрядителем которых он является скоро шесть лет... Они удерживаются у власти теми же методами, что и царь, военной силой, подкрепляющей силу полицейскую, средствами дружины, корпусом добровольцев, "боевой организацией", поддерживающей тирана» [SB, p. 216].

Таким образом, Мосс в данном случае воспроизводит дюркгеймовскую точку зрения, согласно которой в России, в отличие от других стран Европы, не

общество создавало государство, а наоборот. «Тем не менее, - писал Дюркгейм, - по многим признакам видно, что результат деятельности государства не имеет глубоких корней и носит поверхностный характер. Поскольку политическая организация не выражает моральную конституцию страны, она почти не смогла глубоко повлиять на нее. Вероятно, имело место простое наслоение (ср. со словом Мосса "прилеплено". - А.Г.), точно так же, как в Китае» [23].

Утверждая, что большевизм подобен царизму в том, что он "прилеплен" к национальной жизни и сознанию россиян, Мосс тем самым признает, что он воспроизводит традиционные формы самодержавного правления, уходящие своими корнями даже в византийскую историю. Иными словами, сам того не замечая, он констатирует, что большевизм является продолжателем одной из важнейших национальных российских традиций, насчитывающей многие столетия.

Наконец, Мосс признает, что "в действительности именно большевики были представителями порядка и национального единства" [SB, p. 220]. Он подчеркивает, что большевизм - это "патриотическое предприятие", так как, "отказавшись от наивного интернационализма, большевики под именем Федерации восстановили российское единство и даже российское величие, оказавшееся в опасности из-за внешних происков" [Ibid., p. 205].

5. Большевизм есть феномен "непроизвольный". - Большевизм есть феномен произвольный. Эта оппозиция в известном смысле резюмирует предыдущие, включает их в себе.

С одной стороны, Мосс настаивает на том, что большевизм - явление "непроизвольное". "Эта революция была непроизвольной. Она родилась из войны, из нищеты и из падения режима", - пишет он [ASB, p. 105]. Он утверждает, что большевистский социализм в России не был результатом выражения "общей воли" граждан. По поводу этого социологического и политического "эксперимента" Мосс восклицает: "...И если бы он имел по крайней мере то достоинство, что он был преднамеренно, осознанно выбран, если бы он обладал третьей чертой политического эксперимента", если бы он был произвольным! Но нет, он в высокой степени есть продукт обстоятельств, он есть скорее следствие, чем волеизъявление" [SB, p. 212].

"Инструментами" революции [Ibid., p. 214] были, по Моссу, не только Россия, не только эсеры во главе с Керенским. Даже большевики с их "дикой волей" не были авторами своего собственного движения и истории революционной и постреволюционной России. "...Большевизм, властелин России и революции, не был властелином своих собственных судеб. Он был объектом деятельности еще больше, чем ее субъектом, он был игрушкой, а не экспериментатором" [Ibid., p. 217]. "...Он лишь частично является делом его авторов. Еще меньше он есть результат ясной воли, действия сильной нации, зрелой для социализма",- пишет Мосс [Ibid., pp. 221-222]. Провал большевизма, с его точки зрения, объясняется тем, что социализм в России не был желаем.

Короче, в первом тезисе пятой оппозиции, выделенной нами, Мосс приходит к несколько парадоксальному выводу, что даже большевизм не был делом рук большевиков.

Второй тезис пятой оппозиции у Мосса выражен не менее решительно и определенно, чем первый. Согласно ему, большевизм есть феномен произвольный прежде всего в том смысле, что он есть продукт воли "активного меньшинства" во главе с самими большевиками. Вот несколько цитат, иллюстрирующих этот тезис.

"В лице большевиков русские нашли своих начальников. Большевики по крайней мере обладали волей..." [Ibid., p. 215]. "Лишь меньшинство интеллектуалов и рабочих, военных и моряков действительно принимали участие в революции. Именно они составили свиту для маленькой группы большевиков, большей частью эмигрировавших и высланных и вернувшихся в Россию" [Ibid.]. "Апатия с одной стороны, ясная, фанатичная воля и сила с другой стороны - вот связь, которая с тех пор объединяла и продолжает объединять русский народ с его деспотами большевиками" [Ibid., p. 216].

Согласно Моссу, большевики навязали свою волю всему обществу путем насилия. Но из его текстов следует, что другая воля в России либо была еще хуже (царизм и белые), либо отсутствовала, так как имела место лишь "апатия" и не было воли "сильной" и "зрелой" нации. Следовательно, по логике Мосса, большевистская воля, будучи злой, насильственной и совершившей множество "ошибок", все-таки оставалась единственно возможной.

Иногда Мосс готов даже признать, что большевизм - не только результат воли, насильственно навязанной большевиками как "активным меньшинством", но в какой-то мере продукт "общей воли" граждан России. С его точки зрения, выборы на Всероссийский съезд Советов, так же как и постоянных органов власти, избранных этим съездом, были совершенно легитимными и справедливыми. Он считает, что "Всероссийский съезд и Исполнительный комитет Советов уже так же не являются машинами тирании или выражения классовых интересов, как парламенты, избиравшиеся на основе избирательного ценза по конституциям, существовавшим до введения всеобщего избирательного права" [ASB, p. 117].

Это суждение выражало надежду Мосса на то, что большевизм вступил в фазу "отступления", мира и спокойствия, в фазу признания рынка, права, определенной степени индивидуальной свободы и свободы ассоциаций, т.е. всего того, что он считал нормальной и привлекательной формой социализма.

3. Подход Николая Бердяева

Обратимся теперь к "оценке" большевизма Бердяевым. Она во многом осуществляется через те же оппозиции, которые мы встречаем у Мосса, или сходные с ними: "необходимое - случайное", "традиционное - антитрадиционное", "национальное - интер - или антинациональное", "органическое - неорганическое", "произвольное - непроизвольное" и т.п. Но акценты в этих оппозициях у Бердяева, как мы увидим, в целом отличаются от моссовских.

В отличие от Мосса, для Бердяева большевизм - феномен не только и не столько социальный: "Невозможно понять коммунизм, если видеть в нем только социальную систему" [24]. Соответственно, и его оценка не является только или собственно социологической, хотя и содержит социологический

аспект. Большевизм, согласно Бердяеву, это феномен прежде всего не социальный, а провиденциальный и эсхатологический, духовный и религиозный (или антидуховный и антирелигиозный), стремящийся заменить христианство, изменившее самому себе и уклонившееся от своего подлинного предназначения.

Бердяев интерпретирует большевизм как форму воздания со стороны Провидения и искупления со стороны христианских обществ, уклонившихся от истинного христианства. Вслед за Жозефом де Местром он рассматривает большевистскую революцию, как, впрочем, и любую другую, как "бич Божий" для народа: "Христианская правда не осуществила себя в полноте жизни, и в силу таинственных путей Божьего Промысла злые силы берут на себя осуществление правды. В этом духовный смысл всех революций, в этом их таинственная диалектика" [там же, с. 4]. В философской автобиографии он писал: "Я понял коммунизм как напоминание о неисполненном христианском долге. Именно христиане должны были осуществить правду коммунизма, и тогда не восторжествовала бы ложь коммунизма" [25].

Согласно Бердяеву, в коммунизме как доктрине и социальной системе смешаны правда и ложь, и в этом смешении заключена его главная опасность. Поэтому важнее всего "не отрицать правду, а отделять ее от лжи" [26].

Оценивая русский коммунизм в целом, Бердяев писал в конце жизни: "коммунизм, как он себя обнаружил в русской революции, отрицал свободу, отрицал личность, отрицал дух. В этом, а не в его социальной системе, было демоническое зло коммунизма. Я согласился бы принять коммунизм социально, как экономическую и политическую организацию, но не согласился его принять духовно" [27]. Таким образом, он отвергал большевизм прежде всего с этической и эстетической, а не социальной точки зрения.

За десять лет до Октябрьской революции, в 1907 г. Бердяев предсказывал, что в случае революции в России победят не умеренные, а леворадикальные элементы [28]. Впрочем, он считал, что так происходит во всех революциях. После захвата власти большевиками он решительно и смело выступил против большевизма. Вместе с тем, он был противником старого режима и присущей его сторонникам оценки большевизма. "Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима", - писал он [29].

Провиденциалистское истолкование большевизма у Бердяева вытекало из провиденциалистского характера его мировоззрения в целом. И торжество большевизма, и его будущий крах представлялись ему совершенно неизбежными: "...Я сознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма" [там же, с. 228]. С точки зрения практической ориентации на будущее, это означало для Бердяева необходимость не бороться с большевизмом извне, а необходимость "пережить" и "изжить" его изнутри. С точки зрения объяснения прошлого это означало стремление рассматривать

большевизм как внутренний момент российской истории, и здесь он не ограничивается общими суждениями относительно "судьбы" и воли Провидения.

Бердяев утверждает, что большевизм представляет собой двойственное явление: интернациональное и национальное, причем он подчеркивает примат последнего начала и его все большее преобладание над первым в ходе исторического развития коммунизма в России [30]. Коммунистическая революция могла произойти только в России, и даже если представить себе, что она могла произойти в западной стране, она была бы там совершенно иной.

Бердяев подчеркивает преемственный и органический характер большевизма по отношению к предыдущей истории России, его тесную связь с традициями и тенденциями развития российского общества и российской мысли: "Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса" [там же, с. 89; см. также 31].

В отличие от Мосса, Бердяев всегда подчеркивал, что большевизм не потерпел поражение, а одержал победу. Эту победу он объяснял тем, что большевизм соединил в себе две традиции, находившиеся в XIX веке в жестоком противоборстве: традицию русской исторической власти и традиционные черты русской радикальной интеллигенции [32]. Согласно Бердяеву, большевизм - это третье после Московского царства и империи Петра воплощение русской великодержавности и русского империализма. Большевики соединили волю к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее первой. Они создали сильное милитаризованное полицейское государство с прежними способами управления. Доктрина о Москве как Третьем Риме, служившая идеологической основой образования Московского царства, нашла свое продолжение в большевистской доктрине о Москве как столице Третьего Интернационализма. Ленин представляет собой новое воплощение Ивана Грозного и Петра Великого: его мышление было сугубо империалистическим и деспотическим, а главная тема состояла не в разработке и реализации программы социального переустройства, а в захвате и удержании власти. В свою очередь Иван Грозный и Петр Великий были "большевиками" исторического прошлого; последнего Бердяев прямо называет "большевиком на троне" [33]. Переворот, осуществленный Лениным, очень близок тому, который произвел Петр: "Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации" [34].

В применении насилия большевиками Бердяев, в отличие от Мосса, видит признак реализма их политики. Но организовать власть и подчинить массы одним только насилием невозможно; необходима была целостная доктрина, единая вера. Трансформированный на русский манер марксизм оказался для этого вполне подходящим. Большевики осуществили русификацию и ориентализацию марксизма. Они восприняли в нем не детерминистскую, эволюционную, научную сторону, а его мессианскую, мифотворческую, рели-

гиозную сторону, основанную на вере в грядущее освобождение человечества пролетариатом. При этом в большевизме пролетариат переставал быть эмпирической реальностью (в этом качестве он был ничтожен в России), а становился **идеей пролетариата**, носителем которой может быть незначительное меньшинство. "В русской революции, - писал Бердяев, - произошла встреча и соединение двух мессианских сознаний - мессианства пролетариата с мессианством русского народа. Русский народ как бы отождествился с пролетариатом, с которым он совсем, конечно, не совпадает эмпирически" [35]⁴.

В коммунизм вошли такие черты русской радикальной интеллигенции, как жажда социальной справедливости и равенства; признание классов трудящихся высшим человеческим типом; отвращение к капитализму и буржуазии; стремление к целостности в мировоззрении; нетерпимость; враждебное отношение к культурной элите; отрицание духа и духовных ценностей; вера в материализм и придание ему почти религиозного характера [37].

Большевизм воспроизвел также традиционно русский мотив обличения буржуазности Запада [там же, с. 29]. Бердяев специально прослеживает российские истоки идеи "активного меньшинства". По Моссу, эта идея могла быть взята большевиками у Бланки или у Сореля. Но в России, как убедительно показывает Бердяев, была мощная собственная интеллектуальная традиция, обосновывавшая эту идею. Это относится, в частности, к народничеству (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и особенно П.Н. Ткачев), принадлежавшему "к тому типу, который считал для себя обязательным интересы народа, но не мнения народа" [там же, с. 57].

Как и Мосс, Бердяев отмечает сходство большевизма и итальянского фашизма, который он, так же как В. Парето и вначале Б. Кроче, сначала оценил положительно.

Хотя описание и объяснение большевизма у Бердяева принципиально не менялись в течение жизни, его отношение к этому явлению в определенной степени эволюционировало. Вначале он резко и решительно критиковал и обличал большевизм; затем в его оценках складывается определенное равновесие между критикой большевизма и западного капитализма, между признанием "правды" и "лжи" коммунизма, хотя и с указанием на некоторое преобладание "лжи"; наконец, после Второй мировой войны в книге "Русская идея" в известной мере преобладает позитивная оценка большевизма как естественного и органического, хотя и мучительного, проявления "Русской идеи". Последнюю Бердяев в это время уже не только описывает и объясняет, но и восхваляет, отождествляя себя с ней и представляя свое собственное мировоззрение как выражение этой идеи. Это не помешало ему, правда, до конца своих дней выступать с осуждением конкретных репрессивных актов Советской власти.

⁴ Джованни Бузино отмечает, что заслуга углубленного анализа высказанной Моссом мысли о роли веры в великую миссию русского народа в утверждении большевизма принадлежит Жюлю Моннеро [36]. Но Бердяев детально проанализировал это явление гораздо раньше.

4. Вывод: сравнение двух подходов

Теперь мы можем сравнить и резюмировать в целом взгляды Мосса и Бердяева на большевизм. Оба они были противниками либерального капитализма, сторонниками корпоративно-профессионального социализма и национализации промышленности. В этом отношении их позиции совпадали с позицией большевиков. Оба они осуждали подавление большевиками индивидуальной свободы, хотя для Мосса понятие свободы носит прежде всего социальный (экономический, правовой, политический) характер, а для Бердяева - духовный (религиозный и нравственный) причем социальный аспект свободы в его понимании - явление вторичное и не очень существенное. Оба они осуждают большевистское насилие, признавая вместе с тем первоначальную его обусловленность деспотизмом старого режима и насилием его сторонников.

Наконец, и это главное, оба они в своей интерпретации большевизма исходят из **одних и тех же теоретических оппозиций**: "объект - субъект" (социальной теории и социальной практики); "необходимое - случайное"; "национальное - ненациональное", "традиционное - нетрадиционное"; "произвольное - непроизвольное" ("добровольное - недобровольное"). Но акценты в этих оппозициях различны у обоих аналитиков. У Мосса преобладают суждения, подчеркивающие, что большевизм - это преимущественно субъект своеобразной теории, эксперимент (хотя и неудачный), "случайность", явление "ненациональное" и "нетрадиционное" (навязанное исключительно силой и не опирающееся на "общую волю" граждан), "произвольное" явление в том смысле, что оно выражает насильственно навязанную волю "активного меньшинства". Бердяев же, будучи провиденциалистом, настаивает главным образом на том, что большевизм - это не субъект теоретической рефлексии и социального действия, а объект и инструмент Провидения, следовательно, не "эксперимент"; явление национальное и традиционное; проявление фатальной исторической необходимости, "судьбы", и в этом смысле "непроизвольное".

И Мосс и Бердяев опираются на базовую оппозицию "Россия - Запад", некогда сконструированную идеологами и постепенно "овладевшую массами" и в России и на Западе и ставшую поэтому материальной силой (по выражению Маркса), или "идеей-силой" (по выражению А. Фулье). Бердяев охотно бы подписался под утверждением Мосса относительно России, что "все там происходит в иных плоскостях, чем в тех, в которых мы находимся здесь, на Западе" (ASB, pp. 128-129); он и сам многократно развивал подобную идею и до и после Мосса. Различие между ними в данном случае состоит в том, что, по Моссу, Запад все равно остается в известном смысле образцом для отсталой, "незрелой" России, а по Бердяеву, наоборот, "свет" идет из России, несмотря на большевизм или даже благодаря ему.

Бердяев оценивает большевизм как явление гораздо более фундаментальное и глубинное, чем Мосс. Для последнего это преходящий феномен, не затрагивающий основы российского общества, "прилепленный" "активным меньшинством" к "пассивному большинству". Бердяев, так же как и Мосс, определяет большевистский коммунизм как "волюнтаристический, экзальтирующий революционную волю" [38]. Но сам этот волюнтаризм в его истолковании "непроизволен" и предопределен более глубокими силами.

Согласно Бердяеву, большевизм - это институт не только социальный и человеческий, но сверхсоциальный и сверхчеловеческий. Это явление религиозное, одновременно дьявольское и божественное, или, точнее, это дьявольское явление, выражающее божественную волю. Это феномен исторической судьбы, ниспосланный русскому народу, второму после еврейского народа носителю мессианской идеи, одновременно как знак начала нового, посткапиталистического мира и в качестве необходимого испытания за исторические грехи с целью их искупления.

В отличие от Мосса, Бердяев не считает "большевиков" "наивными социологами", неудачно осуществляющими "эксперимент" (даже в смысле "опыта" или "попытки"). Он не считает их также мечтателями, утопистами и романтиками. С его точки зрения, большевики - больше реалисты, чем любая другая социальная сила в России, и применение ими насилия - лишь проявление этого реализма.

По Моссу, большевики потерпели поражение и отступили; по Бердяеву, они победили и продолжают наступать. Если Мосс считает, что большевизм сковал волю нации, то Бердяев, наоборот, утверждает, что он освободил ее от оков.

Бердяев, как и Мосс, отмечает интернациональный и даже "антинациональный" характер большевистской революции [39]. Так же, как и Мосс, он констатирует, что большевики, подобно Петру Первому, осуществили насильственную ломку российских национальных традиций. Но и в этом, согласно Бердяеву, большевизм есть прежде всего явление национальное и традиционное: это **национальный русский интернационализм и традиционный русский антитрадиционализм.**

Мосс не является противником революций вообще и считает Великую Французскую революцию явлением положительным. Он верит, что в политических революциях могут побеждать умеренные силы. Бердяев - противник революций вообще, утверждая, что Французская революция была еще более кровавой, чем Русская. Представление о том, что в революциях могут побеждать умеренные силы, он называет "рационалистическим безумием", утверждая, что в них всегда побеждают экстремистские элементы.

Бердяеву, как и Моссу, близки некоторые программные цели и элементы первоначального проекта большевиков: национализация промышленности, профессионально-производственный принцип социальной структуры, приписываемый Советам, декларируемая ликвидация классового неравенства и т.п. Но Мосс явно и неявно допускает, что большевистский социализм в России в принципе ставил целью установление элементов индустриальной и политической демократии (рабочий контроль и т.п.). Бердяев же решительно разводит понятия социализма и коммунизма, с одной стороны, и демократии - с другой: они вообще не имеют между собой ничего общего. Ни Сен-Симон, ни Маркс, ни, тем более, Ленин, будучи социалистами, никогда не были демократами. Для большевиков главной всегда была проблема власти как таковой; все остальное имело для них второстепенное значение.

Но и для Бердяева, так же как и для большевиков, демократия ("западная", "буржуазная") - явление отрицательное и обреченное. Этим его позиция также отличается от позиции Мосса: последний, как бы критически он ни относился к

"западной" демократии, все же оставался приверженцем ее фундаментальных ценностей и институтов.

Итак, будучи оба сторонниками корпоративного социализма, национализации производства и индивидуальной свободы, находясь в рамках одних и тех же мыслительных оппозиций в оценке большевизма, Мосс и Бердяев, тем не менее, акцентировали разные стороны этого явления. В результате у Мосса большевизм выглядит преимущественно насильственно навязанным извне "активным меньшинством"; у Бердяева - органически выросшим изнутри, глубоко укорененным в российском "большинстве" и исторически предопределенным; при этом с течением времени Бердяев все более истолковывал большевизм в духе гегелевской формулы: "Все действительное разумно, все разумное действительно".

Обе эти оценки большевизма характерны для всего XX столетия; они носят "идеально-типический" характер. Каждая из них в отдельности весьма уязвима. Анализ Мосса в принципе исходит из представления о большевизме как о чем-то поверхностном, привнесенном извне и, несмотря на отдельные оговорки о его специфически русском характере, не выявляет его социальных корней. Он постоянно, явно и неявно, сравнивает большевистский социализм с идеалом "подлинного", "хорошего" социализма; соответственно, этот "неподлинный", "плохой" социализм часто выглядит у него совокупностью "ошибок" и "заблуждений". Его теория большевизма недостаточно социологична как раз в дюркгеймовском смысле.

Теория большевизма Бердяева, наоборот, страдает фатализмом. Перефразируя Гегеля, можно сказать, что в ней "все действительное Божественно, все Божественное действительно". Отстаивая ничем не стесненную творческую свободу личности, он недооценивал значение ее конкретных экономических, политических и юридических прав и свобод: в результате его "персонализм" приобретает декларативный оттенок. Его критика западной демократии, осуществляемая с позиций духовного аристократизма и эстетизма, основана на неправомерном отождествлении понятия формальности демократии с ее фиктивностью [40]. Часть русской национальной традиции он нередко представлял как национальную традицию в целом, а свое собственное мировоззрение - как воплощение "Русской Идеи". Бердяев осуществил глубокий анализ мессианизма в российской социальной теории и практике, в частности, в его большевистском истолковании. Но постепенно из аналитика этого мессианизма он незаметно сам превратился в его представителя, выразителя и проповедника.

Оба рассмотренных теоретика находились в плену псевдоочевидной, а в действительности некогда сконструированной и постоянно воспроизводимой в России и на Западе идеологемы "Россия - Запад", выдавая присущие российскому обществу, как и всякому другому, исторические особенности за некие фатальные и неизменные черты то ли абсолютной и нигде не виданной уникальности, то ли социальной патологии.

Тем не менее, глубина анализа большевизма у обоих теоретиков позволяет говорить об их выдающемся вкладе в исследование и понимание этого явления. Каждый из них исследовал и подчеркнул определенные его стороны.

Бердяев в значительной мере осуществил то, что у Мосса выступало преимущественно в форме призыва или лозунга, а именно, исследовал большевизм в контексте истории и сознания российского общества. Если рассматривать их подходы как дополняющие друг друга, то теоретическая картина большевизма будет если и не полной, то вполне адекватной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Desroche N.* Marcel Mauss, "citoyen" et "camarade". Ses "incursions ecrites dans le domaine du normatif"- Revue francaise de sociologie, vol. XX, N 1. janv. - mars. 1979. Pp. 221-237.
2. *Fournier M.* Marcel Mauss. P., 1994, Pp. 424-439.
3. *Busino G.* Marcel Mauss, interprete d'un phenomene social total: le bolchevisme. - Revue europeenne des sciences sociales, t. XXXIV, N 105. Geneve - P., 1996. Pp. 75-91.
4. *Полторацкий Н.* Бердяев и Россия. Нью-Йорк, 1967.
5. *Полторацкий Н.* Русская идея Н.А. Бердяева. - В кн.: Полторацкий Н. Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века. Tenafly (N.J), 1988. Сс. 131-144.
6. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Сост.. пер. с фр., послесл., прим. Гофмана А.Б. М., 1996.
7. *Mauss M.* Appreciation sociologique du bolchevisme. - Revue de Metaphysique et de Morale, vol. XXXI, N 1, janv. 1924, Pp. 103-132.
8. *Mauss M.* Socialisme et bolchevisme. - Le monde slave, II ser., И an., N 2, fevr. 1925, Pp. 201-222.
9. *Fournier M.* Marcel Mauss. P. 424, etc.
10. *Бердяев И.* Новое средневековье. М., 1991, (1 изд. - 1924).
11. *Бердяев Н.* Правда и ложь коммунизма. - Путь, № 30, Париж, октябрь 1931. Сс. 3-34.
12. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990 (репринтное воспроизведение парижского издания VMCA - Press 1995 г.).
13. L'oeuvre de Mauss par lui-meme. - Revue fransaise de sociologie, vol. XX, N 1, janv. - mars 1979. P. 209.
14. *Fournier M.* Marcel Mauss. P. 271-275.
15. *Бердяев Н.А.* Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 232 и др.
16. *Ленин В.И.* Рабочая и буржуазная демократия. - Ленин В.И. Поли. собр. соч., Т. 9, М., 1960. С. 187.
17. *Ленин В.И.* Задачи революционной молодежи. - Ленин В.И. Поли. собр. соч., Т. 7, М., 1959. С. 346.
18. *Mauss M.* Socialisme et bolchevisme... P. 202.
19. *Mauss M.* Appreciation sociologique du bolchevisme... P. 119.
20. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. - Ленин В.И. Поли. собр. соч., Т. 18. М., 1961, С. 310.
21. *Сорель Ж.* Эволюция социализма. (Утопизм, бланкизм и марксизм). - Социальное движение в современной Франции. М., 1908, Сс. 189-229.
22. Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, С. 244.
23. *Durkheim E.* (1902). Compte rendu de P. Miliukov. Essais sur l histoire de la civilisation russe. P., 1901 - Durkheim E. Textes 3. Fohetions sociales et institutions. Presentation de Karady V.P., 1976, P. 239.
24. *Бердяев Н.* Правда и ложь коммунизма... С. 28.
25. *Бердяев Н.А.* Самопознание... С. 231.
26. *Бердяев Н.* Правда и ложь коммунизма... С. 31.
27. *Бердяев Н.А.* Самопознание... С. 242.
28. *Бердяев Н.* Из психологии русской интеллигенции. - Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-9). СПб., 1910, Сс. 67-68.
29. *Бердяев Н.А.* Самопознание... С. 226.
30. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 94 и др.
31. *Бердяев Н.* Русская идея. (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж, VMCA - Press, 1946. С. 103.
32. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 99 и дал.
33. *Бердяев Н.* Русская идея... С. 18.
34. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 12.
35. *Бердяев Н.* Правда и ложь коммунизма... С. 19.
36. *Busino G.* Marcel Mauss, interprete d'un phenomene social total... P. 83.
37. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 100.
38. *Бердяев Н.* Русская идея... С. 103.
39. *Бердяев Н.* Духи русской революции. Б.г., б.м. С. 3.
40. *Федотов Г.П.* Бердяев - мыслитель. В кн.: Бердяев Н.А. Самопознание. С. 403.